

Юань Сюньци, главный ученик секты Тяньянь и любимый воспитанник её главы Чэнь Сифэна, прибыл в секту Ваньцзянь вместе с наставником, чтобы отточить мастерство владения мечом и повысить уровень культивации.

Однако из-за нелепой случайности, связанной с расколом пурпурного нефрита, Ци Фэй, прежде равнодушный к гостям, внезапно проявил крайнее радушие. Он настоял, чтобы Юань Сюньци и глава секты Тяньянь остались погостить в секте Ваньцзянь, благодаря чему Юань Сюньци за эти дни примелькался на всех пиках.

Теперь же, когда внезапно появившийся Фэн Юйсы чуть не задушил гостя, Мин Янь, как опекун, неминуемо станет героиней самых грязных сплетен.

— Шок! Возлюбленный выяснил, что у старшей сестры Мин есть другой, хотел пожаловаться, но был избит соперником!

Или же:

— Старшая сестра Мин ведет двойную игру, заставив двух обманутых мужчин сойтись в яростной схватке посреди бела дня! Что это: извращение человеческой природы или упадок морали?

Мин Янь хватило лишь мгновения, чтобы вообразить бесчисленное множество подобных нелепых слухов.

Впрочем, сейчас её это волновало меньше всего. Пользуясь моментом, пока Фэн Юйсы не впал в очередное безумие, она потащила его обратно на пик Синшао.

Секта Ваньцзянь делилась на сорок восемь пиков, восемь из которых считались главными. Старейшины, управлявшие ими, были опорой секты, и любой из них — личность, чьё имя гремело во всём мире совершенствующихся.

Её наставник, Белоснежный святой меча Ци Фэй, возглавлял третий пик. Из-за его широкой натуры вершина была почти целиком вымощена прочным и ровным камнем. Дворец Хэцин, где он обитал, служил центром ансамбля: по обе стороны тянулись пруды с нефритовыми лотосами и извилистые галереи, украшенные каллиграфией и нежными шёлковыми полотнами. Изумительная красота.

Мин Янь с грустью подумала, что порой пропасть между людьми даже больше, чем разница между видами.

Её собственный дворик по сравнению с этим выглядел куда скромнее. Всюду рос густой бамбук, а в углу, цепляясь за ветви, цвело дерево. Сейчас была весна, и нежно-розовые цветы, словно облака, парили в воздухе. За те дни, что она отсутствовала, двор никто не подметал, и

земля была устлана лепестками.

Солнечный свет пробивался сквозь листву, бамбук тихо шелестел. Эти растения посадили здесь много лет назад, и теперь их прямые стволы почти скрывали небо, создавая прохладную зелёную тень, укрывавшую большую часть двора.

Взмахом руки сняв барьер, она втокнула юношу в чёрном во двор.

От резкого рывка воротник его одежд съехал в сторону, обнажая полосу мертвенно-бледной кожи. Сверху осыпались лепестки, мягко опускаясь на его тёмную ткань.

Стоило ему поднять взгляд, как он увидел одинокое, но цветущее дерево. Тонкий, но стойкий аромат белых свечных цветов был точно таким же, как и запах, исходящий от него самого — как те цветы на священной горе.

На мгновение юноша замер, в его глазах отразилось смятение. Он медленно моргнул, затем крепче сжал ладонь Мин Янь и, заколебавшись, не зная, как начать, произнёс:

— Ты... ты ведь говорила, что очень устала, что хочешь... отдохнуть?

Было заметно, как она побледнела, даже пальцы стали холодными. Похоже, ей было не по себе.

Он почувствовал досаду на самого себя, решив, что, должно быть, и правда болен. Ведь ещё недавно он ненавидел эту женщину за её холодность и жестокость, но стоило ей обнять его — и он тут же лишился всякой принципиальности. Его настроение зависело исключительно от её прихотей.

Мин Янь усадила юношу в ротанговое кресло в своей комнате и погладила его по бледной щеке. Он невольно вздрогнул, тело напряглось.

Она мягко, нежными подушечками пальцев провела по красной родинке под его правым глазом и тихо, ласково заворковала:

— В секте есть дела, которые нужно уладить. Побудь здесь, подожди меня, я скоро вернусь. Хорошо?

Она знала: он послушается.

Её длинные, гладкие волосы, рассыпавшись по плечам, коснулись его лица. При каждом её слове пряди слегка подрагивали, щекоча его кожу.

Слишком близко.

Слишком близко.

Ему даже не нужно было вдыхать — лёгкий аптечный аромат, исходивший от женщины, сам окутывал его, заставляя терять голову.

— Можно? — продолжала она своим чистым голосом, в котором, казалось, витал манящий аромат.

Юноша сжал пальцы. Его свирепость давно улетучилась. Он поднял взгляд, и в его чёрных глазах, устремлённых на неё, светилась странная, почти невинная чистота.

— ...Хорошо. Я буду ждать.

Он невольно поддался. Сидя в кресле, он был вынужден терпеть её ласки. На вид он казался недовольным, но никто не знал, что сердце в его груди колотилось с такой силой, словно готово было сжечь плоть.

В глубине его души, в самых тёмных и низменных её уголках, всё бурлило. Он тяжело дышал, слегка потирая пальцами подлокотник кресла.

Ему хотелось прижать её к себе, впиться в её губы, навеки заключить в объятия, надеть на её щиколотки и шею холодные цепи, оставить на белоснежной коже свои следы, чтобы эта гордая госпожа принадлежала лишь ему одному — жалкому монстру.

Он хотел целовать её изящные лопатки, оставляя красные отметины, слушать её тихие стоны, слышать, как она просит о пощаде, слышать, как она нежным, ласковым голосом зовёт его по имени.

Перед лицом любви прежние предательства и боль казались сущей мелочью. Если бы она только прекратила свои убийства, он простил бы ей всё на свете.

Он молча сглотнул, глаза его потемнели. Когда он поднял голову, Мин Янь уже вышла из комнаты.

Юноша в чёрном глубоко вдохнул и закрыл глаза. Никто не видел, как его уши, скрытые волосами, покраснели, словно кровь.

Он провёл пальцами по тем местам, которых касалась она, поднёс их к губам и поцеловал, тихо рассмеявшись.

Кажется, его чувства получили ответ.

Едва Мин Янь вошла во дворец Хэцин, как поток мощной энергии ци пронёсся мимо её уха.

— Ты всё-таки соизволила вернуться?

Сидевший на возвышении мужчина поднял голову. Его голос был холодным, как лёд. Лицо, скрытое за пеленой благовоний, не выражало ни гнева, ни радости.

На неё обрушилось давление величайшего святого меча — тяжелое, подавляющее, словно бушующая река.

Мин Янь поняла: дело плохо. Ци Фэй разозлился. Этого нельзя было допустить — ей ведь ещё нужно удерживать внимание этого богача!

— Если я скажу, что спасала людей, вы поверите? — искренне спросила она.

Она ведь действительно отправилась в город У, чтобы найти злой меч, убивающий во снах. По сути, это было спасением людей.

Мужчина холодно усмехнулся, взмахнул рукавом, и в сторону Мин Янь полетела целая гора склянок и пузырьков. Она не успела увернуться, и всё это добро обрушилось на неё, заставив попятиться.

Взглянув вниз, она невольно вздрогнула.

Снова эти снадобья. Дорогие и горькие. Если она продолжит их пить, лицо скоро станет зелёным. Если бы Ци Фэй позволил ей перепродать хоть немного, она бы уже давно не боялась того транжиры Ши Цзяньчэня, погрязшего в долгах.

Ци Фэй медленно спустился по ступеням, его голос звучал как голос демона из преисподней:

— Спасала людей? Мин, ох, Мин! Хорошо, если ты сама себя в состоянии прокормить, не то что спасти мир — ты даже с той сторожевой собакой, что держит глава, не справишься! Я ведь просил тебя пить лекарства и отдыхать. Ты сбежала, ничего не сказав, знаешь ли ты, как волновался наставник? Я ночами не спал, куска в горло не лез — если бы ты сгинула в какой-нибудь глуши, мне бы даже хоронить тебя было негде!

Выйдя из дыма благовоний, он явил миру свои подчёркнуто огромные тёмные круги под глазами, в которых читались слёзы и упрёк.

Мин Янь опешила. Это лицо появилось так неожиданно, что было даже жутковато.

Тот самый лик, который ещё пару месяцев назад женщины-совершенствующиеся называли подобным одинокой луне, тот, что выделялся среди суровых мастеров меча, сейчас выглядел так, будто его дважды хорошенько приложили кулаком. Это было... это было... Она благоразумно предпочла промолчать.

Мин Янь покаялась в душе на секунду и тут же покорно опустила голову:

— Я виновата, я заслуживаю наказания, я буду стоять в углу и размышлять о своем поведении, я... — В следующий раз снова так сделаю.

Ци Фэй подошёл к ней, взглянул на её разорванный воротник, и его висок нервно дёрнулся.

Немудрено, что при всей его доброте и заботливости уже не первый человек намекает, не обижает ли он свою ученицу! Ну как такое стерпеть?!

Ци Фэй взмахнул рукой, высыпав горсть духовных камней:

— Твой старший брат, пока тебя не было, пробрался к тебе во двор, чтобы украсть лекарства, которые я для тебя нашёл. Я понимаю, что он хочет содержать свой меч в порядке, но как можно ради жалких камней трогать лекарства сестры?! Я избил его и отправил на пик Укротителей зверей кормить свиней. Его жалование за полгода — тебе в качестве компенсации.

Он говорил небрежно, даже не подозревая, что эта горсть камней, которую он пренебрежительно бросил, была почти всем состоянием бедняги Ши Цзяньчэня.

Погодите. Информация требовала осмысления. Старшего брата поняли неверно, старшего брата избил и наказал наставник, жалование старшего брата теперь принадлежит ей.

Просто чудесно... Ой, то есть, какая жалость.

Мин Янь пропустила первые два пункта мимо ушей, схватила камни и прослезилась от благодарности:

— Наставник, вы самый лучший наставник в мире! Ваша широкая душа необъятнее океана, а ваш благородный дух чище снега на вершинах гор!

Теперь, когда есть эти камни, она сможет устроить себе достойную жизнь! А что до Ши Цзяньчэня — ха, Мин Янь сделала холодное лицо. Синяки набил Ци Фэй, жалование отнял Ци Фэй, так какое ей, младшей сестре, дело до страданий старшего брата?

Она лишь бесчувственная машина по сбору денег.

Ци Фэй остался доволен. Похвала Мин Янь подняла ему настроение. Он приподнял свои

красивые брови и лениво произнёс:

— Да, кстати, твой самый лучший в мире наставник нашёл тебе жениха. Ты его видела — это тот самый Юань Сюньци из секты Тяньянь.

Только он закончил фразу, как от входа во дворец Хэцин донёлся полный гнева голос:

— Юань Сюньци из секты Тяньянь просит аудиенции у святого меча!

Мин Янь на мгновение смутилась, но, встретив вопросительный взгляд Ци Фэя, спокойно призналась:

— Тут такое дело... ну, я, это... в общем...

Ци Фэй, сложив руки за спиной, начал наставлять её с видом невозмутимого небожителя:

— Говори нормально. Что бы ни случилось, наставник тебя прикроет.

Мин Янь выпалила всё на одном дыхании:

— Дух меча, которого я притащила, внезапно обезумел, схватил Юань Сюньци за горло и чуть не задушил. Похоже, эту помолвку я сорвала, прошу, наставник, не гневайтесь!

Ци Фэй выдавил из себя бездушную улыбку. Отлично. Его кулаки начали чесаться.

<http://bllate.org/book/21328/2163368>